

«ИЩУ ПАРА-ДОКС...»

ВОСКРЕСНЫЙ ГОСТЬ «СМЕНЫ» —

ЗАСЛУЖЕННЫЙ
АРТИСТ
РСФСР

Евгений
Евстигнеев

ВЗГЛЯНИТЕ на фото. Конечно, вы сразу узнали этого человека и тут же вспомнили многих героев, кому он дал жизнь. Они, как правило, вызывают пристальный интерес. Их лица притягательны, характеры сложны и противоречивы, порой парадоксальны. Их судьбы преломляют в себе наше прошлое и настоящее... В чем же секрет магического евстигнеевского обаяния, как ему удается сыграть тип, явление и в то же время так отточить деталь, что подчас одно незаметное движение головы, взгляд исподлобья, неожиданная модуляция голоса говорят больше, чем все вместе взятые слова роли!

Порой артист делает, казалось бы, невероятное. Например, как можно сыграть талант! Этого не знает никто. Но в «Большевиках», создавая образ Луначарского, Евстигнеев играет именно талант. А в хрестоматийной роли Сатина он вдруг находит такие неожиданные краски, что известный со школы монолог звучит как открытие, как открытие...

Сегодня и Луначарский и Сатин — на ленинградской сцене, потому что сегодня здесь «Современник».

— Евгений Александрович, все пятнадцать лет существования «Современника» ваше имя неразрывно связано с этим театром. Все эти пятнадцать лет вы — на наших глазах. А что было раньше? Откуда и как начался артист Евгений Евстигнеев?

— Если хорошенько поискать в нашей семье актерские гены, то обнаружить их хоть с трудом, но все-таки можно: старший брат Сергей когда-то играл в «Синей блузе». Жили мы в Горьком, я слесарил на заводе «Красная Этна» и однажды заглянул в заводской драмкружок. Там ставили пьесу Островского «Грех да беда на кого не живет», и мне поручили роль купчика. Хоть роль была так себе (не Фигаро и не Гамлет!), хоть спектакль получился средний, все равно тогда во мне что-то перевернулось. Я вдруг уловил, что, оказывается, можно прожить еще и какую-то совсем другую жизнь... Это было неожиданным и удивительным. Захотелось продлить праздник, и я поступил в театральное училище. Затем — Владимирский драматический театр. За три года — двадцать одна роль. Количество явно переходило не в качество, а в его противоположность. Появились дурные предчувствия, и тогда в один прекрасный день подал заявление в школу-студию МХАТ. Поступил сразу на третий курс и через пару лет стал артистом Художественного. Но, увы, поначалу работа на столичной сцене особого восторга не вызывала: все эпизоды, массовки... В то время Олег Ефремов и еще несколько молодых артистов, мечта о совсем новом театре, ночами, после спектаклей, репетировали «Вечно живых». Я тоже стал оставаться на эти встречи. А потом была премьера и родился «Современник».

— И теперь вы покидаете свой театр, становитесь артистом МХАТа. Что можете сказать по этому поводу?

— «Современник» дорог мне бесконечно. Мы росли вместе со временем, со страной, учились вместе выражать свое время. В «Современнике» все помогают актеру думать и мечтать — не только режиссер, но и весь коллектив. Не каждый театр может этим похвастаться. Ведь бывает, режиссер подчиняет себе, своей воле всех участников спектакля настолько, что о самостоятельном творчестве актера и судить-то трудно. В «Современнике» и художник, и актер, и режиссер в равной мере участвуют в творческом процессе. Но главный все-таки — актер. Он доносит до зрителя и мысль автора и мысль постановщика. Конечно, режиссер помогает ему в этом, помогает полнее раскрыть свою творческую индивидуальность.

Можете мне поверить, «Современник» покидаю с некоторой

болью. Почему покидаю? Не мыслю для себя другого режиссера, кроме Ефремова. Мы с Олегом Николаевичем большие друзья. Очень его люблю и как художника и как человека. Но, работая во МХАТе, обещаю всегда быть верным традициям «Современника». Более того, надеюсь, что со временем эти традиции станут и мхатовцам близки и необходимы.

— Евгений Александрович, и в печати и устно вас все чаще, все упорнее называют «современным актером». Льстит ли вам это определение, и что вы сами под ним понимаете?

— Такое звание почетней многих титулов. Современный актер... Кто он? Каков он? Я думаю, это актер, для которого каждая роль — повод сказать о себе. Нет, это совсем не эгоизм: рассказать о себе — значит через себя рассказать о людях, о стране, о времени. И тут, в общем-то, все равно, в какой пьесе ты играешь — в современной или классической. И в классике можно найти современность. Умение обнаружить в огромном классическом наследии такие стороны, которые волнуют сегодня, — именно в этом вижу я ключ к современному прочтению классики.

Что такое Человек? Какова ценность человеческой личности? Горький поставил эти вопросы в начале столетия, но разве они перестали волновать нас сегодня? И пусть таких людей, как Сатин или Барон, давно не существует, пьесу, о них в наши дни можно прочесть как притчу о величии человека, о его неповторимости как личности, о его назначении на земле, о смысле его жизни. Берясь за роль Сатина, я понимал как это сложно. Классические роли вообще играть непросто: в представлении зрителя образ героя может совсем не походить на тот, который создает ты. И нужно зрителя переубедить, доказать, что именно твой Сатин имеет право на сценическую жизнь.

Сатина я сыграл заведомо полемически. Прежде всего увидел в нем человека страдающего, хотя, может быть, сам он об этом еще и не подозревает. Я попытался снять с него всякий пафос. Да, он шулер, пьяница, бездельник, паразит, но он — и сама боль, и само страдание. На протяжении всего спектакля стараюсь показать не только крайнюю степень социальной деградации Сатина, но и моральный крах его как человека. И лишь перед финалом Сатин вдруг прозревает. И знаменитые его слова: «Человек — это звучит гордо», сказанные в каком-то горьком раздумье, сказанные сквозь слезы (иначе произнести этот монолог и не мыслю), прозвучали для Сатина приговором самому себе. И все же в этом горьком признании

Сатина есть пафос жизнеутверждения: в человеке — огромные возможности, человек всегда обязан оставаться человеком.

Когда я имею счастье наблюдать за игрой больших артистов — таких, как Смоктуновский, Габен, Мастроянни, всякий раз ловлю себя на мысли: они же прежде всего выражают свое время! И этим самым, своей неповторимой индивидуальностью, мудростью своей безмерно обогащают роли, заложенные в пьесе или сценарии. Об актерской индивидуальности сейчас говорить модно, но зачастую понимается она по-разному. На мой взгляд, индивидуальность актера — это сам человек, со всем ему свойственным, а следовательно, неповторимым. И собственным талантом тоже, потому что даже двух людей одинаково талантливых быть не может. Но главное, что выражает индивидуальность художника, — это его гражданская позиция. Актер обязан знать, что он любит и что ненавидит, за что любит и за что ненавидит. И вот эта мера любви и ненависти определяет отношение актера к своему герою. Только меряя этой мерой, он может рассказать о нем зрителю.

— Кстати о зрителе. Ваш успех у зрителя очевиден, и все же, наверное, не всякая восторженная реакция зала вам одинаково дорога? Какой зритель вам наиболее необходим?

— Одного портного спросили: «Как вам нравится этот фильм?» Портной возмущенно всплеснул руками: «Какой фильм? Там же все поджакки перелицованы!» Это анекдот, но вот недавно я получил письмо из одной вязальной артели. Зрительницы посмотрели картину «Бег» и возмущаются тем, что мой герой Корзухин вяжет недостаточно профессионально. Конечно, плохо, что в процессе репетиций я, вероятно, так и не научился мастерски орудовать спицами. Но еще более обидно за зрителей, которым мое вязание заслонило все остальные проблемы, поднимаемые в такой значительной ленте, как «Бег». К счастью подобных зрителей становится все меньше. Мне дороги в зале единомышленники. Когда есть слияние с залом и ты можешь им руководить, заставлять следить за собой, за своей мыслью, — между актером и зрителем вспыхивает драгоценная, как ее называет Ефремов,

У НЕГО темперамент публициста. Для него вопрос: «Зачем сыграть!» — всегда важнее вопроса: «Кого сыграть!». Но он не публицист, он прежде всего — художник. Последите за артистом: Евстигнеев будто бы не говорит зрителям ничего такого, чего бы они сами не знали, он только хорошо, точно все это формулирует. Он не заглядывает в ваши глаза, не подбивает вас на желаемые реакции, но именно в силу своей внутренней связи со зрителем всегда этих реакций добивается... И мы радостно признаемся себе: какой умный актер!

«вольтова дуга». Актер обязан уметь зажечь эту дугу. Если, играя Сатина, я вдруг слышу кашель, на мгновение внутренне останавливаюсь, чтобы собраться для новой атаки на зрительный зал. Ведь кашляют в театре чаще всего не от простуды, а когда неинтересно.

— В вашем репертуаре — и на сцене, и в кино — роли самого разного плана, порой — полярные: добрый дурак, приспособленец по фамилии Динин и сильная, незаурядная личность, максималист, директор кораблестроительного завода Алексин; бандит Глухарь и нарком Луначарский... Вероятно, вы не признаете рамок амплуа!

— Я убежден, что никогда не выйду к зрителю в облике Гамлета — не те данные. Но внутренне я должен быть уверен, что готов к этому образу, могу его сыграть. Широта творческого диапазона актера прежде всего зависит от его способности к перевоплощению.

— Если говорить о чисто внешнем перевоплощении, то вы его, как правило, избегаете. Чаще всего играете без грима. Это что — принцип?

— Конечно, я имел в виду перевоплощение внутреннее. Это процесс невидимый, неуловимый, когда ты живешь мыслями своего героя, болеешь его бедами, смотришь на мир его глазами. Здесь никакой грим, никакой парик не спасут. Я действительно, если только можно, играю без грима. Чем меньше всяких накладок, тем мое лицо, мои глаза, я сам — ближе к зрителю. А это для меня очень важно.

— От каких ролей вы отказываетесь и какие вам особенно дороги?

— В театре обычно не отказываюсь ни от каких. Правда, так получается, что роли мне здесь предлагают в основном интересные. В кино случается иначе. Отказываюсь, когда предлагают играть просто Ивана Ивановича или Петра Петровича. Вот если роль несет в себе ту «занозу», которая в состоянии раздвинуть конкретные рамки характера до широких обобщений! Мне важно, чтобы в роли я мог идти «от себя», найти в ней боль, которая была бы и моей человеческой личной заботой. И еще — всегда ищу в образе парадокс, от которого и танцую...

— С какими вашими новыми героями мы встретимся в скором будущем?

— Осенью — мой дебют на мхатовской сцене в горьковских «Варварах». Репетирую Цыганова. Не за горами съемки в кинокомедии Рязанова «Старики-разбойники», там мы будем резвиться на пару с Юрием Никулиным. Еще предстоит работа в десятисерийном телевизионном фильме «Семнадцать мгновений весны». Будут и другие картины. Так что уж которое лето подряд нормального отпуска опять не предвидится.

Л. СИДОРОВСКИЙ
Фото М. Ширмана